

Владимир Кожевников

Нулевая
развилка

Владимир Кожевников

Нулевая развилка

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Нулевая развилка / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Лео Багров просыпается в 3:17 без причины. Он — Калибровщик Реальности: замечает «глюки» времени, которые другие не видят. Очередной аномальный сигнал с пульсара приводит его к встрече с таинственным Читателем. Тот сообщает: реальность переписывается из будущего уже много раз, а постлюди, создающие рай на земле, хотят получить согласие человечества на последнюю корректировку. Лео и его коллега Анна Марковна должны сделать выбор — но вместо этого активируют передатчик. Теперь у них 47 часов, чтобы найти Станцию Синхронизации в слое между реальностями. За ними охотятся агенты-«Ювелиры», а впереди — нулевая развилка, где время схлопывается в точку, а свобода воли оказывается иллюзией или единственным шансом.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Калибровщик	5
Глава 2. Ювелиры и сигнал	8
Глава 3. Станция Синхронизации	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Нулевая развилка

Глава 1. Калибровщик

Он проснулся в 3:17. Без причины. Ни кошмар, ни шум за окном, ни спазм мочевого пузыря. Просто щелчок — и сознание вынырнуло из темноты. 3:17. Электронные часы на тумбочке горели ровным алым светом. Лео Багров привык просыпаться рано, но не в эту цифру. 4:30 — да, 6:00 — ради бога. 3:17 — номер, которого не было в расписании.

Он лежал неподвижно, слушая собственное дыхание. Спальня утопала в сумерках петербургской белой ночи — той самой, что Достоевский назвал навязчивой, а Пелевин — рекламной паузой между днями. За тонкими занавесками маячил серо-сиреневый рассвет. Где-то за пять кварталов на Малой Садовой бомж выкатил тележку с бутылками — металлический лязг, прорезавший тишину как бритва.

— Третий раз за неделю, — прошептал Лео в подушку.

Он не был параноиком. Работа Калибровщика Реальности звучала пафосно, в действительности же означала «человек, который замечает то, что не должны замечать другие». Лео состоял в штатном расписании Института Временных Аномалий — неофициальное название «Контора Недовольных Сингулярностью», — финансируемого из десятка источников, половина из которых была классифицирована как «несуществующие». Ему платили за то, чтобы он фиксировал глюки.

И мир глючил.

Лео сел на кровати, нашарил тапки. Квартира на Васильевском острове — две комнаты с высокими потолками, лепнина, которую предыдущий жилец покрасил двадцатью слоями масляной краски. На письменном столе — три монитора, системный блок без крышки (Лео утверждал, что так лучше охлаждение) и глиняная кружка с окаменевшим кофе на дне.

Он открыл рабочий ноутбук. Семьсот тринадцать непрочитанных писем. Большинство — автоматические отчёты с нейросетевых анализаторов, подключённых к данным обсерваторий по всему миру. Они отслеживали то, что Лео называл «историческими швами».

Вот самое свежее, помеченное красным:

Объект: PSR B1919+21 (пульсар)

Тип аномалии: темпоральная засветка

Описание: в спектре излучения обнаружена модуляция, не соответствующая астрофизическим моделям. Сигнал содержит фрактальную структуру, имеющую корреляцию с лингвистическими паттернами. Вероятность естественного происхождения — три целых семь десятых в минус двенадцатой степени.

Класс угрозы: Epsilon (наблюдательная)

Лео нахмурился. Пульсар B1919+21 — тот самый, чьи сигналы в 1967 году Джослин Белл назвала «LGM-1» (Little Green Men), пока не поняла, что открыла нейтронные звёзды. Теперь анализатор за 2024 год, пересматривая архивные записи, утверждал, что в том древнем сигнале действительно была разумная модуляция. Словно кто-то в 1967-м вставил в пульсар сообщение из будущего.

Он потёр переносицу. Во рту пересохло — вчерашний виски с колой оставил послевкусие пластмассы.

Телефон завибрировал. Внутренний канал — зашитый прямо в SIM-чип, который Лео получил при подписании контракта под расписку «не спрашивать, как это работает». Зелёная иконка мигала в углу экрана.

— Багров.

— У тебя пульсар открыт? — голос Анны Марковны Лисицыной, старшего научного сотрудника, человека, который однажды сказал: «Лео, если увидишь кролика с карманными часами, не беги за ним. У нас есть протокол Б-7».

— Только что прочитал.

— Это не глюк. Это приглашение.

— Куда?

— В нулевую развилку.

Пауза. Лео услышал, как Анна Марковна крутит в пальцах зажигалку — щелчок-вжух, щелчок-вжух. Привычка курильщика, бросившего полгода назад.

— Ты серьёзно? Нулевая развилка — гипотеза, которую мы придумали в три часа ночи под кофе.

— А теперь она разговаривает с нами через пульсар.

Лео закрыл ноутбук. Глянул в окно. Белая ночь казалась ему не естественным явлением, а дефектом сборки: кто-то забыл выключить закат, и небо горело уже третий час.

— Ладно. Координаты?

— Уже выслала. Библиотека Академии Наук. Через час. И, Лео... ты вчера опять пил виски с колой?

— С «Пепси».

— Неважно. Захвати сменную рубашку. Мы идём туда, откуда не возвращаются в футболке с динозавром.

Он сбросил звонок. На футболке был стегозавр с подписью «ЕЩЁ НЕ ВЫМЕРЛИ» — он купил её в Лондоне три года назад на конференции по квантовой археологии. Сейчас стегозавр скалился в зеркале.

Он был высок, худощав, с длинными пальцами пианиста, хотя играть умел только на клавиатуре. Серые виски, мешки под глазами — тридцать четыре, но выглядел на сорок пять. Глаза, привыкшие замечать то, что другие пропускают: швы на стыке событий, дублированные слои реальности, цифры, которые не сходятся, но должны.

Он умылся ледяной водой, надел белую рубашку, сунул в рюкзак ноутбук, два телефона (один с чипом для аномального трафика) и керамический нож, который никогда не использовал, но который успокаивал своим холодом. Замок квартиры он запер трижды — первая привычка Калибровщика: если реальность может самопроизвольно перезагрузиться, замок иногда перестаёт существовать на пару тактов.

Выйдя из дома, он замер. На асфальте у подъезда кто-то нарисовал мелом круг. Диаметр ровно сорок сантиметров, без разрывов. Внутри — ничего.

— Ювелиры, — выдохнул Лео.

Метку он узнал сразу. Два года назад в Праге точно такой же круг появился на пороге его гостиничного номера за день до того, как в нём провалился пол. Полиция назвала это ветхостью здания. Лео знал: Ювелиры корректируют реальность через пространственные аномалии. Круг — не угроза. Круг — констатация: «Мы уже изменили ход событий так, что ты в любом случае будешь там, где нам нужно».

Он перешагнул через круг, не наступая внутрь.

Сзади раздался шелест — сухой, как переворачивание страниц гигантской книги. Лео обернулся — никого. Шелест повторился справа, слева, сверху.

Он поднял голову.

На высоте метров тридцати висела книга. Не галлюцинация — он потёр глаза, она не исчезла. Кожаный переплёт, размером с малолитражку, раскрытая на середине. Страницы перелистывались сами, без ветра.

На левой странице горело слово «РЕЗУЛЬТАТ». На правой — «КОНСТАНТЫ».

Книга захлопнулась с басовитым хлопком, от которого занули зубы, и растворилась в воздухе. Вместе с ней исчезли все звуки. Даже вода в Неве замерла.

— Демонстрация? — спросил Лео в тишину.

И тишина ответила голосом, зазвучавшим прямо в черепе:

«НЕТ. ПРИГЛАШЕНИЕ. ТЫ УЖЕ В НУЛЕВОЙ РАЗВИЛКЕ, ЛЕО. ТЫ БЫЛ В НЕЙ ВСЕГДА».

Он хотел спросить «кто ты?», но реальность дёрнулась, как плёнка в старом кинопроекторе, и Лео снова стоял на том же месте. Круг исчез. Нева плескалась. Горели все фонари. Никакой книги.

В кармане завибрировал обычный айфон.

СМС от Анны Марковны: «Опоздал на 47 минут. Ты заснул на ходу? Заходи, чай стынет».

Лео посмотрел на часы. Вышел в 4:15. Сейчас 5:02. Между выходом и книгой прошло не больше двух минут, а по часам — сорок семь.

Он вошёл в здание Библиотеки. Сталинский ампир, колонны, запах вековой бумажной пыли с примесью дешёвого освежителя. Вахтёрша тётя Зина, помнившая ещё Блока, кивнула:

— Анна Марковна в фонде редких книг. Только у неё гость. Станный. Глаза белые-белые, радужки не видать. И улыбается.

Лео побледнел. В закрытой базе Института Временных Аномалий был профиль такого существа — «Читатель». Категория «контракт», гриф «не инициировать контакт без присутствия Калибровщика высшего уровня». Каждый Калибровщик знал: встреча с Читателем означает, что реальность переписывают в твоём присутствии.

— Он не гость, тётя Зина. Он — мой кошмар.

Он толкнул дубовую дверь и шагнул в полумрак книгохранилища.

Глава 2. Ювелиры и сигнал

Книгохранилище Библиотеки Академии Наук пахло плесенью, нафталином и чужими жизнями. Лео шагнул внутрь, и дверь закрылась с тихим чмоканьем — воздух казался вязким, как патока. Вместо привычных стеллажей он увидел комнату, которой здесь не могло быть: метров сорок в длину, залитая неестественно ровным светом из ниоткуда. В центре — стол красного дерева, покрытый зелёным сукном. За столом сидели двое: Анна Марковна и тот, кого Лео мысленно называл Читателем.

Анна Марковна выглядела как мумия, которой забыли закрыть веки: бледная, сжатая, с брошью-скарабеем на вороте, мерцавшей чёрным опалом. Ей было под сорок, но в этом свете она казалась старше на столетие.

Читатель улыбался. Его лицо было молодым — лет двадцати пяти, — но абсолютно белые глаза, без радужки, без зрачка, две фарфоровые пуговицы, делали его похожим на манекен из витрины, оживший по ошибке. Волосы цвета мокрой соломы падали на лоб. Одежда — серебристая ткань, множество тончайших швов, ни одной пуговицы. Он моргал раз в минуту — редко, как рептилия, греющаяся на камне.

— Лео Багров, — произнёс он. Голос был человеческим, но с лёгкой вибрацией, как если бы говорили в пустой церкви. — Калибровщик седьмого уровня. Тыпил виски с «Пепси» вчера в 23:14. Ты думал о ЦЕРНе и несделанном выборе 2015 года. Ты боишься рака лёгких, но ешь переработанное мясо. Я ошибаюсь?

Лео сел на стул напротив, не дожидаясь приглашения. Адреналин стучал в висках, но он не хотел показывать страх.

— Не ошибаетесь. Но всё это можно выяснить, взломав медицинские карты и камеры в барах.

— Верно. Тогда вот что не взламывается: ты в три года нарисовал мелом на стене своей комнаты круг. Точно такой же, какой ты видел сегодня у подъезда. Мать стёрла его и отругала тебя. Но ты помнишь, что не рисовал его. Он появился сам.

Лео побледнел. Этот факт он никогда никому не рассказывал. Даже Анне Марковне. Ни в одной медицинской карте его не было.

— Откуда...

— Я Читатель. Я читаю не мысли, Лео. Я читаю временные линии. В каждой из них ты рисуешь этот круг в возрасте трёх лет. Круг — это якорь. Твоё подсознание помнит будущее, которое уже случилось, хотя ты ещё не прожил его.

— Хватит, — вмешалась Анна Марковна. Голос её дрожал, но в нём прорезалась привычная командирская нотка. — Лео, этот... объект... появился в хранилище десять минут назад. Он сказал, что пришёл как посредник от «Станции Синхронизации». Я попыталась записать разговор на диктофон — файл создан, но внутри тишина. Он говорит на русском, английском и суахили, но я подозреваю, что он вообще не использует язык — мы слышим то, что он хочет, чтобы мы слышали.

Читатель кивнул, не переставая улыбаться.

— Анна Марковна умна. Она права: я — интерфейс. Называйте меня Чтец. Или Читатель. Мне всё равно.

— Зачем ты здесь? — спросил Лео.

— Чтобы дать вам выбор. Нулевая развилка требует свидетеля. Вы двое — свидетели. Протокол синхронизации предписывает перед отправкой сигнала в сингулярность предоставить локальным разумным существам возможность осознанного отказа.

— Отказа от чего? — Анна Марковна подалась вперёд, и скарабей на её брошке сверкнул.

— От вашей роли в создании нас.

Читатель поднял руку и щёлкнул пальцами. Воздух над столом сгустился, замерцал, и в нём появилась голограмма. Трёхмерная карта, но не звёзд и галактик — паутина золотых линий, соединяющих бесчисленные точки. Линии пульсировали, как сеть под напряжением.

— Это сеть времени. Каждая нить — возможное прошлое. Каждый узел — решение. Ваши физики называют это многомировой интерпретацией. Они ошибаются. Миров не много. Мир один, но он постоянно переписывается. Из будущего.

— Теория Петковича о ретрокаузальности, — прошептала Анна Марковна. — Я думала, это бред сумасшедшего.

— Нет. Это инструкция. В 2047 году ваш физик Драган Петкович опубликует работу «Ретрокаузальный детерминизм». Он не доживёт до 2048-го, потому что Ювелиры удалят его из линии. Не из злобы, а потому что его работа была черновиком, который не должен был существовать. Ошибка калибровки.

— Ювелиры — это вы? — спросил Лео.

— Мы — агенты. Ювелиры — процесс. Представьте, что реальность — драгоценный камень. Природа создаёт кристалл с дефектами. Мы не природа. Мы — огранщики. Мы удаляем лишнее. Мы шлифуем. Каждый раз, когда мы отправляем сигнал в сингулярность, вселенная перезапускается с новыми константами.

— И сколько раз вы уже перезапускали? — спросила Анна Марковна.

Читатель перестал улыбаться. Его белые глаза на мгновение стали матовыми.

— Семь, — сказал он. — Но только в этой линии. В предыдущей было пять. В той, что до неё — тринадцать. Мы не ведём точного счёта, потому что после каждого перезапуска счётчик обнуляется. Но мы ведём лог вне времени. Это не меняет сути: каждый раз мы совершенствуем константы.

— И каждый раз вы делаете Вселенную более пригодной для... вас? Постлюдей?

— Для совершенной жизни. Для состояния, которое вы назвали бы раем. Отсутствие боли, смерти, случайностей. Математическая гармония.

— Звучит как тюрьма, — сказал Лео.

Читатель впервые перестал улыбаться.

— Да, — сказал он тихо. — Именно как тюрьма. Поэтому мы здесь. Не для того, чтобы вы спасли нас. Для того, чтобы вы спасли себя. От нас.

Он щёлкнул пальцами снова. Голограмма исчезла. Вместо неё на столе появилась вещь — небольшая, размером с кулак, чёрная сфера, покрытая вязью золотых символов. Символы пульсировали в такт сердцебиению Лео. Сфера висела в воздухе на ладонь выше стола, медленно вращаясь.

— Это проекция «Нулевого передатчика», — сказал Читатель. — В вашем времени он будет построен в 2147 году, на орбите Юпитера. Но для нас время не линейно. Мы можем активировать его сейчас, здесь. Для этого нужен только акт сознательного намерения. Калибровщик, который скажет «да». Или «нет».

— Я не понимаю, — сказала Анна Марковна. — Вы говорите, что вы — постлюди, идеальные существа из будущего. Вы существуете только потому, что отправили сигнал в прошлое, в момент Большого взрыва, настроив константы Вселенной так, чтобы она неизбежно породила вас. Петля замкнута. Зачем вам наше согласие?

— Ради симметрии, — ответил Читатель. — В прошлых циклах мы не спрашивали. Мы просто отправляли сигнал. И каждый раз, после перезапуска, в новой реальности возникали... неточности. Бунты. Идея свободы воли проявлялась как вирус, который мы не могли искоренить. Мы поняли, что настоящая детерминация требует не принуждения, а согласия. Если вы добровольно признаете, что ваша воля — всего лишь наш инструмент, парадокс исчезнет. Свобода воли будет уничтожена тем фактом, что вы выбрали её отсутствие.

Лео встал. Ноги слушались плохо, словно он отсидел их в одной позе.

— Ты предлагаешь нам подписать себе смертный приговор? Признать, что все наши войны, стихи, изобретения, любовь — просто шестерёнки в машине по производству рая для кого-то другого?

— Не смертный приговор. Приговор к бессмертию. Вы продолжите существовать. Но теперь вы будете знать, что ваше существование — часть чертежа. Как буквы в романе знают, что они — буквы, а не свободные люди.

— Это безумие, — сказала Анна Марковна. Она достала из кармана маленький диктофон, нажала кнопку записи. Красный индикатор загорелся, но через секунду погас. Она попробовала снова — тот же эффект. — Чёрт. Он блокирует запись.

— Не я. Сама структура реальности в этой комнате несовместима с линейной фиксацией, — сказал Читатель. — Но у вас есть альтернатива. Вы можете отказаться. Сказать «нет». Тогда я уйду, и передатчик не будет активирован. Постлюди исчезнут. Ваша Вселенная останется в хаосе, без высшей цели. Но будет свободной. Насколько свобода может существовать в мире без гарантий.

Лео посмотрел на Анну Марковну. Та вцепилась в брошь-скарабея так сильно, что побелели костяшки.

— Если мы скажем «нет», — медленно произнёс Лео, — что произойдёт с вами? С Читателем?

— Я — эманация. Я исчезну. Безболезненно, как сон. Но моя сущность вернётся в следующем цикле, если он будет. Циклов больше не будет, если вы скажете «нет». Это будет последняя версия реальности. Грубая, неотшлифованная, с болью и случайностями. И без нас.

— А если мы скажем «да»?

— Тогда вы станете соавторами. И ваша память о выборе будет стёрта. Вы проснётесь завтра, не помня этого разговора. Сигнал уйдёт в сингулярность. Постлюди обретут стабильность навсегда. И через триста лет, когда будет построен передатчик, история повторится. Кто-то другой сядет за этот стол. И ему тоже предложат выбор.

— Бесконечная петля, — сказал Лео.

— Бесконечная. Да.

Тишина. Лео слышал, как тикают часы на стене — хотя он был уверен, что в книгохранилище никогда не было часов. Тук-тук-тук. Каждый удар — возможная реальность, умирающая в момент выбора.

— У меня есть вопрос, — сказал Лео. — Ты сказал, что мы — свидетели. Что будет, если один из нас скажет «да», а другой — «нет»?

Читатель снова улыбнулся.

— Это невозможно. Ваши воли синхронизированы. Вы примете одно решение. Вы уже приняли его. Вопрос только в том, когда вы осознаете, какое именно.

Анна Марковна открыла рот, чтобы ответить, но Лео остановил её жестом. Он подошёл к висящей сфере вплотную. Золотые символы отражались в его зрачках, заставляя их казаться горящими.

— Ты говоришь, что мы уже приняли решение. Тогда зачем этот фарс?

— Чтобы вы поняли, что выбора нет, — сказал Читатель. — И чтобы, поняв это, вы всё равно сделали вид, что выбираете. Такова природа свободы воли, Лео. Она существует только до тех пор, пока вы верите, что она существует. Как только вы узнаете правду, иллюзия рассеивается. Но само знание не меняет факта: ваше решение было predetermined ещё до рождения вселенной.

— Значит, — Лео медленно протянул руку к сфере. Пальцы дрожали, но он заставил себя успокоиться. — Я сейчас сделаю вот так...

Он коснулся сферы. Пальцы встретили сопротивление — не физическое, а какое-то иное, словно он просунул руку в густой кисель. И в момент касания комната дрогнула. Символы

вспыхнули белым, и Лео услышал голос — не Читателя, а другой, множественный, состоящий из тысяч голосов, слитых в один:

«ВЫБОР ЗАФИКСИРОВАН. ПЕРЕДАТЧИК АКТИВИРОВАН. СИГНАЛ УЙДЕТ ЧЕРЕЗ СОРОК СЕМЬ ЗЕМНЫХ ЧАСОВ».

Почему сорок семь — Лео не знал. Число повисло в голове как заноза.

Читатель встал. Его фигура стала прозрачной, как дым.

— Ищите Станцию Синхронизации. Она в слое между реальностями. У вас есть время. — Он помедлил. — Прощайте, Анна Марковна. Прощайте, Лео. Вы сделали правильный выбор. С точки зрения геометрии вероятностей. С человеческой точки зрения... вам предстоит очень тяжелая неделя.

Он исчез. Вместе с ним исчезла голограмма сферы. Комната сжалась до нормальных размеров книгохранилища — стеллажи, пыль, запах старых книг. Анна Марковна сидела за обычным столом, без зелёного сукна. На столе стояли две кружки с остывшим чаем и открытая папка с документами. Диктофон на столе показывал ноль секунд записи.

— Лео, — сказала она тихо. — Что ты сделал?

— Я ничего не делал. Я просто прикоснулся к проекции.

— Ты активировал передатчик. Я слышала этот голос. Мы оба слышали. И он сказал «ищите Станцию».

— Нет, — сказал Лео, но в голосе его не было уверенности. — Я проверял, настоящая ли она. Это был тест.

— Ты Калибровщик. Ты знаешь, что в присутствии Читателя любой жест интерпретируется как намерение. Ты только что сказал «да» от имени всего человечества.

Лео отшатнулся. Холод пробежал по спине.

— Я не выбирал. Меня заставили. Это... это ловушка. Он с самого начала знал, что я коснусь сферы. Он подстроил разговор так, чтобы я это сделал.

— А разве это не одно и то же? — спросила Анна Марковна. — Выбор или иллюзия выбора, если результат один?

За окном — хотя окна в хранилище не было — вдруг залаяла собака. Три отрывистых лая, и тишина. Лео подошёл к стене, провёл рукой по штукатурке. Под пальцами он нащупал глубокую царапину, не похожую на букву, просто случайный след. Он не стал придавать ей значения.

— У нас есть сорок семь часов, — сказал он. — Чтобы остановить сигнал. Читатель сказал: «Ищите Станцию Синхронизации в слое между реальностями».

— Или чтобы убедиться, что он уйдёт, — добавила Анна Марковна.

Они посмотрели друг на друга. В её глазах Лео увидел страх и решимость. В его собственных отразилось то же самое.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, неторопливые, с металлическим отзвуком, будто кто-то в ботинках на стальных подошвах шёл по мраморному полу. Шаги остановились прямо за дверью.

— Откройте, — сказал голос снаружи. Голос был обычным, мужским, чуть хриплым. — Полиция. У нас ордер на обыск.

Анна Марковна и Лео переглянулись. Полиция в четыре утра в Библиотеке Академии Наук? В белой ночи?

— У них не может быть ордера, — прошептала Анна Марковна. — Здесь ничего незаконного.

— Это не полиция, — так же шёпотом ответил Лео. — Это Ювелиры. Они уже здесь.

Глава 3. Станция Синхронизации

Дверь в книгохранилище была дубовая, массивная, с бронзовой ручкой в виде львиной головы. Лео положил ладонь на холодный металл. За дверью стояла тишина — шаги, которые они слышали минуту назад, исчезли, словно их и не было.

— Не открывай, — прошептала Анна Марковна. — Если это Ювелиры...

— Если это Ювелиры, они всё равно войдут. — Лео повернул ручку. — Они не спрашивают разрешения. Они переписывают реальность так, чтобы дверь оказалась открытой.

Дверь подалась с протяжным скрипом, похожим на стон. За порогом никого не было. Пустой коридор, залитый неоновым дежурного освещения, тянулся в обе стороны. Пол — мраморные плиты с выбоинами. Стены — панели карельской берёзы, местами ободранные, с тёмными пятнами старого клея. Запах пыли и дешёвого освежителя.

— Никого, — сказал Лео.

Он не договорил. На полу, ровно посередине коридора, лежал предмет, которого здесь не было секунду назад. Тонкая серебряная цепочка с кулоном в виде круга, разделённого прямой линией на две половины — одну белую, другую чёрную. Простой, почти детский рисунок.

— Маяк, — сказала Анна Марковна, и голос её сел. — Я читала отчёт о пражском инциденте. Ювелиры оставляют их, чтобы маркировать места, где реальность нужно перешить. Если коснуться — твои координаты зафиксируются. Они смогут найти тебя в любой временной линии.

— Обойдём.

Они двинулись по коридору, стараясь не наступать на цепочку. Лео чувствовал спиной чей-то взгляд — не один, множество взглядов. Он обернулся — пусто. Но когда снова повернулся вперёд, цепочка уже лежала перед ними. Она переместилась. Сама.

— Бежим.

Они побежали. Мраморные плиты скользили под подошвами. Где-то далеко, за стенами, послышался низкий вибрирующий звук, похожий на пение кита в океанской глубине. Звук нарастал, заполняя коридор, заставляя зубы ныть от резонанса. Анна Марковна споткнулась о выбоину и упала на колено. Лео подхватил её под локоть.

— Вставай. И смотри на стены.

Она посмотрела. На панелях карельской берёзы проступали золотистые символы — не нарисованные, не вырезанные, а проступающие изнутри дерева, как вены под кожей. Те же символы, что были на сфере Читателя. Они пульсировали слабым, больным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.